

Политическая полиция Российской империи рубежа 19 – начала XX веков: место в системе власти, социально-профессиональные типы, идейные представления служащих, механизмы взаимодействия с обществом

Политическая полиция Российской империи конца XIX – начала XX веков представляла собой совокупность структур, которые отличались между собой, как по функционалу, так и по социально-профессиональным типажам их служащих. Задачи политического сыска относились к компетенциям трех структур: Департамента полиции Министерства внутренних дел (с 1880 года) – центральный руководящий орган политической полиции, и двух видах местных подразделений (губернских жандармских управлений, ГЖУ, и охранных отделений). Формальное взаимодействие данных подразделений отличалось противоречивостью: ГЖУ комплектовались жандармами, которые по строевой службе подчинялись Отдельному корпусу жандармов и Военному министерству; охранные отделения (до 1902 года – всего три, в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве) входили в структуру общей полиции (градоначальства, обер-полицмейстерства) и подчинялись Департаменту полиции опосредованно. Это обстоятельство является одной из причин, почему затруднительно использовать по отношению к данной совокупности структур термин «спецслужбы» (отсутствовала единая система компетенций и подчинения, часть полномочий ГЖУ не относились к политическому сыску). Можно говорить о начале формирования системы спецслужб только в годы Первой русской революции, когда впервые на уровне Департамента полиции были разработаны «Инструкция по ведению секретной агентуры» и «Инструкция по ведению наружного наблюдения», во-первых, а, во-вторых – начали разрабатываться специализированные учебные пособия по революционному движению для преподавания на подготовительных курсах для жандармов, отсутствовавшие весь предшествовавший период существования ОКЖ. Некорректным является и термин «охранка», т.к. охранные отделения представляли собой местные подразделения политической полиции и существовали в ограниченном количестве городов.

Три обозначенные структуры отличались социально-профессиональными типажам служащих. Чины Департамента полиции – преимущественно юристы с высшим юридическим образованием (за период 1880 – 1904 года только один директор Департамента имел не юридическое, а военное образование), полученным в «либеральные» 1860 – 1870-е годы. При оценке деятельности представителей общественного движения чины Департамента полиции всегда ориентировались на существовавшую нормативно-правовую базу (в частности, анализируя уставы общественных организаций). В целом стоит поставить под вопрос историографическую репутацию Департамента полиции как структуры, не руководствовавшейся в своей деятельности законом. Кроме того, чины Департамента полиции были частью

образованного столичного общества, вполне вписанного в интеллектуальные дискуссии о путях развития страны своего времени, что отражалось и в делопроизводственной переписке.

В отличие от Департамента полиции жандармы – костяк ГЖУ – были людьми с военным образованием, имевших весьма слабое представление об общественных течениях, «политике», революционном движении как до поступления в ОКЖ, так и после прохождения 3-месячных подготовительных курсов перед распределением по жандармским управлениям. Эта образовательная специфика вполне отражалась в делопроизводственном языке жандармов, которые чаще всего описывали «идеальное» общество в категориях традиционного, сословного, домодерного общества.

И третья группа чинов политической полиции – это сотрудники охранных отделений, лидирующие позиции в которых нередко занимали бывшие секретные сотрудники (наиболее известные примеры – начальник Московского охранного отделения С.В. Зубатов и руководитель Заграничной агентуры Департамента полиции П.И. Рачковский). Чаще всего эта группа служащих не имела образования, но зато не понаслышке знала о революционном движении. Можно говорить о том, что оценки развития «революционного и оппозиционного движения» в России у бывших секретных сотрудников, перешедших на службу в политическую полицию и у руководства Департамента полиции в целом совпадали.

Различия в социально-профессиональных типажах политической полиции проецируется и на их описание «нормы» и «ненормы» состояния общественно-политических процессов, в том числе в вопросе о допустимых границах публичности в самодержавном государстве. Для жандармов неприемлемыми были все явления с критикой существовавшего режима, «либералы» (на уровне губерний, где и функционировали ГЖУ, чаще всего это явление связывалось с земским самоуправлением и периодической печатью) оценивались как «угроза». В то же время чины Департамента полиции и охранных отделений описывали такое явление как «легальная оппозиция» не столь категорично. Во-первых, сам по себе термин, встречавшийся в делопроизводственной переписке Департамента полиции и охранных отделений – «легальная оппозиция» - указывает на факт признания легальной, по сути, политической, деятельности в «самодержавном государстве». Во-вторых, далеко не всегда легальная оппозиция в этих структурах оценивалась как «угроза», напротив, деятельность земцев, различных обществ, органов периодической печати, критикованная в сообщениях из ГЖУ, не привлекала внимания в Департаменте (за некоторыми случаями, которые можно охарактеризовать как исключение, как, например, дело о тверском земстве в 1896 году). В-третьих, анализ терминологического аппарата чинов Департамента полиции и охранных отделений позволяет сформулировать специфическое (и отличающееся и от историографического, и от «жандармского») понимание «либерализма». Например, журнал «Вестник Европы» рассматривался как группа «конституционалистов», но не «либералов». Рядом с конституционалистами находились «радикалы» и

«оппозиционеры», за которыми и надлежало следить – в отличие от «либералов», деятельность которых рассматривалась как «норма». В докладе будут приведены примеры, подтверждающие данный вывод автора.

В целом можно говорить о том, что руководящие чины политической полиции не были сторонниками «охранения самодержавия» в общепринятом смысле этого слова, то есть сохранения самодержавного политического устройства, отсутствия политических свобод и представительных институтов. Умеренный либерализм, неославянофильство рассматривалось ими как норма общественной жизни, «свобода» - как явление вполне уместное и присущее общественной жизни Российской империи дореволюционного периода.